УДК 821.161.1.09-31”19”
ББК 83.3(2=Рус)6
К 20

Капец О.В.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и массовых коммуникаций Адыгейского государственного университета, e-mail: okapec61@mail.ru

Бешукова Ф.Б.
Доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и массовых коммуникаций Адыгейского государственного университета, e-mail: fat8474@yandex.ru

Постмодернистские тенденции в отечественной литературе XX века

(Рецензирована)

Аннотация:

Анализируется творчество М. А. Булгакова, А. В. Соколова, В.О. Пелевина с целью выявления постмодернистских особенностей и установления более точных хронологических рамок постмодернизма в отечественной литературе. Для глубокого осмысления творчества писателей используются герменевтический, сравнительно-сопоставительный, интертекстуальный методы. Вследствие анализа, на наш взгляд, выявляются характерные черты литературы отечественного постмодерна, что позволяет, в свою очередь, установить и более точные хронологические границы постмодернизма в российской культуре. Результаты исследования не только способствуют глубокому пониманию творчества писателей как представителей отечественного постмодерна, но и помогают осмыслить их произведения в контексте мирового литературного и культурного процесса XX века, найти точки соприкосновения русской и зарубежной литератур. Результаты могут быть использованы при изучении истории русской литературы XX века и разработке различных учебных пособий, касающихся данного периода в развитии русской литературы.

Ключевые слова:

Постмодерность, постмодернизм, патологическое сознание, бессознательное, хронотоп, многомирие, интертекстуальность, «растворение характера».

Kapets O.V.
Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Literature and Mass Communications, Adyghe State University, e-mail: okapec61@mail.ru

Beshukova F.B.
Doctor of Philology, Professor, Head, Department of Literature and Mass Communications, Adyghe State University, e-mail: fat8474@yandex.ru

Postmodern trends in Russian literature of the 20th century

Abstract:

The works of M.A. Bulgakov, A.V. Sokolov and V.O. Pelevin are analyzed in order to identify Post-Modernist features in it and establish a more accurate chronological framework of Post-Modernism in national literature. For a deep understanding

of the work of writers, hermeneutic, comparative, intertextual methods are used. As a result of the analysis, characteristic features of the literature of national post-modernity are revealed, which, in turn, allows us to establish more accurate chronological boundaries of Post-Modernism in Russian culture. The results of the study not only contribute to a deep understanding of the work of writers as representatives of national post-modernity, but also help to comprehend their works in the context of the world literary and cultural process of the twentieth century, to find common ground between Russian and foreign literatures. The results can be used in the study of the history of Russian literature of the twentieth century and in the development of various teaching aids related to this period in the development of Russian literature.

Keywords:

Post-modernity, Post-Modernism, pathological consciousness, unconscious, chronotope, Multiverse, intertextuality, “dissolution of character”.

Постмодерность – четвертая и последняя эпоха в развитии культуры, литературы, человечества, а также ее первый период – постмодернизм – и на сегодняшний день привлекают большое внимание культурологов и литературоведов. К ним обращались в своих работах такие зарубежные и отечественные исследователи, как К. Харт, К. Брук-Роуз, М.Н. Эпштейн, И.П. Ильин, И.С. Скоропанова и другие. О возникновении и развитии литературы отечественного постмодерна говорили в статье «Постмодернистский аспект творчества М. А. Булгакова» [1: 114-120] О.В. Капец и В.П. Капец. Эта проблема стала центральной и в нашем исследовании.

Зарождение постмодернизма на Западе, как отмечает И. Ильин, относят к 1939-му году, когда появляются «Поминки по Финнегану» Дж. Джойса [2: 203]. Границы этого явления в русской литературе многие критики тоже отодвигают к первой половине минувшего столетия, связывая их с творчеством то О. Э. Мандельштама, то М. А. Булгакова. О такой периодизации говорит М. Н. Эпштейн в своей книге «Постмодерн в русской литературе» [3: 3]. Сам же термин «постмодернизм» появляется впервые в 1917-м году [3: 18].

Характеризуя постмодернизм как искусство, передающее хаотическое видение мира, «управляемого непонятными законами или просто игрой слепого случая, разумом бессмысленного насилия» [2: 233], Илья Ильин указывает на то, что было бы не совсем правильным свести это явление «к кризису лишь только одной конкретной исторической формы» [2: 233], например, капитализма на Западе. Гораздо рациональнее, по мнению Ильина, придерживаться точки зрения таких известных теоретиков постмодернизма, как У. Эко и Д. Лодж, утверждающих, что подобное явление может возникнуть при смене одной эпохи другой [2: 233]. В частности, в данном случае идет речь о рубеже двух эпох в развитии человечества, культуры, литературы: Нового времени и постмодерности. На Западе смена эпох связана с кризисом капитализма, а в России – с падением самодержавия и приходом к власти большевиков, породивших хаос и неразбериху в стране. В это страшное для России время, сопровождающееся насильственной формой правления, весь мир превратился для сознания людей, привыкшего к веками складывавшемуся укладу, в один постмодернистский «коллаж», состоящий из разрозненных частиц, никак не складывающихся в единое целое. Отражением возникшей в стране ситуации стало искусство вообще и литература в частности. Этим объясняется отход от традиционных принципов реалистической литературы, которая была не в силах передать все ужасы окружающего мира. Отсюда обращение

к мистике, фантастике, апокалиптические настроения, пронизывающие творчество писателей данного периода. Изменения в общественной жизни потребовали коренных содержательных поправок в литературе, а те, в свою очередь, привели к новым формам. Это касается и изменений в жанровой системе, о которых говорит в своей книге «Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм» доктор филологических наук И. П. Ильин, отмечая исчезновение источников, служащих материалом для романа, а точнее – их превращение в отдельные независимые жанры, связанные с документалистикой, журналистикой, хроникой, эпистолярным свидетельством [2: 231].

Так к эпистолярному жанру обращается М. А. Булгаков: под общим названием «Записки юного врача» он создает цикл рассказов, связанных с его медицинской практикой. Не меньший интерес представляют и «Записки на манжетах», отражающие литературную деятельность писателя на Кавказе и в Москве, фрагменты которых найдут позднее свое воплощение в одной из сатирических повестей Булгакова - «Дьяволиаде». Написанная первой в триаде («Дьяволиада», «Роковые яйца», «Собачье сердце»), она вобрала в себя не только содержательные аспекты постмодерна (апокалиптические мотивы), но и структурные: в повести прослеживается нарушение классического сюжета, ее составные части сменяют друг друга, как кадры немого кино. Об отказе Булгакова от традиционного сюжета свидетельствует также роман «Белая гвардия» и пьеса «Багровый остров». Но не только нарушением классического сюжета характеризуется повесть «Дьяволиада». На ее постмодернистский аспект указывает и трансформация образной системы, составные части которой представляют собой отвлеченные идеи.

Схематизмом отличается главный герой повести – делопроизводитель Коротков, в чьем образе реализуется идея «маленького человека», присутствовавшая в русской литературе XIX века. Еще в большей степени схематизм присущ другим героям повести: братьям-близнецам Кальсонерам, сослуживцам Короткова, некоему Колобкову, на которого оказывается похож главный герой и т.д.

Таким образом, можно сказать, что процесс «краха персонажа» как реалистического героя, отличающегося конкретностью, мотивированностью поступков и психологизмом, о котором пишет английская писательница и литературовед Кристин Брук-Роуз в статье «Растворение характера в романе» [4: 184-196], начался в русской литературе с сатирических повестей М.А. Булгакова, созданных писателем в 20-х годах прошлого века, и нашёл своё окончательное воплощение в булгаковском творчестве в заключительном романе писателя «Мастер и Маргарита», унаследовавшем от сатирических повестей схематизм образной системы.

Роман, как отмечает критик Лескис, имеет два плана: московский и ершалаимский [5: 615]. Причём, оба они тождественны друг другу: соответствуют не только улочки и здания древнего Ершалаима и Москвы прошлого века, о чём пишет в своей статье «М.А. Булгаков» Т.М. Колядич [6: 139], но и системы персонажей романа Мастера о Понтии Пилате и романа о судьбе Мастера, причём большинство героев воплощают в себе ту или иную идею: Иешуа Га-Ноцри и Мастер — протест против существующего общественного уклада и страдание; Левий Матвей и поэт Бездомный — преданность своим учителям; Иуда из Кириафа и Алоизий Могарыч — предательство; Маргарита — любовь. Мистические персонажи (Воланд и его свита), появляющиеся на улочках Москвы, тем более отличаются схематизмом, обобщённостью, отсутствием психологизма, конкретики, а иногда и

необъяснимостью своих поступков. Являясь фантастическими героями, они несут на себе и постмодернистскую нагрузку. Правда, каждый из них, воплощая в себе древнюю идею носителей зла, отличается и неповторимыми, свойственными только булгаковским героям, чертами. Так Воланд, к примеру, как отмечают многие критики, показан представителем мировой справедливости и судьёй человеческих пороков, хотя согласно мифологическим трактовкам — воплощает абсолютное зло. Его свита (Азазелло, Коровьев-Фагот, Бегемот и Гелла) также наказывают зло в Москве 20-30-х годов прошлого века, выступая в роли судей чиновничьей, театральной и литературной среды, хотя настоящая сущность их другая: в той или иной степени они также являются носителями зла. Наделяя своих персонажей иной внутренней природой, М.А. Булгаков вместо одной идеи предлагает другую. В данном случае идея мирового зла заменяется восстановлением справедливости.

Причина появления мистических персонажей на страницах «закатного» романа М. А. Булгакова заключается в том, что присутствия традиционных реалистических героев для изобличения зла в общественной жизни Москвы 20-30-х годов XX века становится недостаточно. О родстве же фантастических и постмодернистских персонажей писала в своей статье «Растворение характера в романе» английская писательница и литературовед Кристин Брук-Роуз, отмечая при этом, что и те, и другие представляют собой скорее идеи, лишенные определенных психологических особенностей [4: 192]. Таким образом, необходимо акцентировать внимание на том, что мистические персонажи романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» близки постмодернистским, что можно отчасти сказать и о героях романа о Мастере, обладающих реалистическими чертами. Среди них не только Мастер и Маргарита, но также поэты Рюхин и Бездомный, директор варьете Степа Лиходеев, председатель жилтоварищества дома № 302-бис по Садовой Никанор Иванович Босой, критики Латунский, Лаврович и другие. Каждый из вышеназванных персонажей представляет определенную схему, обобщение или идею. Но наибольший интерес вызывает образ Мастера. Заметим, что он лишен автором фамилии и имени, то есть конкретных черт, не знаем мы и причин, заставивших обратиться Мастера к истории о Христе и Понтии Пилате. Он, подобно одному из героев своего романа, бродячему философу Иешуа Га-Ноцри, воплощает в себе не только страдание, но и идею творчества, связанную с протестом против существующего общественного уклада. Раскрывая эту идею, М. А. Булгаков обращается к проблеме бессознательного, ставшей позднее, в конце XX-го века, одной из основных в трудах французских философов Делеза и Гваттари, создавших «одну из разновидностей деконструктивистского анализа – шизоанализ» [2: 114].

Осмысление проблемы патологического сознания дает Булгакову возможность не только выразить протест против власти большевиков, но и ввести в структуру романа дополнительный хронотоп – ершалаимское «времяпространство» [7: 121], в котором разворачивается история бродячего философа Иешуа Га-Ноцри и пятого прокуратора Иудеи Понтия Пилата. О событиях, произошедших в Ершалаиме в I-м веке н.э. мы узнаем от Воланда, посетившего Москву, Мастера, написавшего роман, и Ивана Бездомного, оказавшегося вместе с Мастером в клинике Стравинского. Два персонажа – Мастер и Иван Бездомный, – из трех названных нами, передают всю историю через призму своего патологического сознания.

Вслед за Булгаковым к интригующему читателей «времяпространству» I-го века нашей эры в

отечественной литературе обратился и А. В. Соколов. Для интерпретации евангельской истории о жизни и смерти Христа он раскрывает проблему бессознательного.

В «Школе для дураков» А.В. Соколов делает главным героем мальчика, страдающего раздвоением личности. В данном случае персонаж тоже воплощает в себе идею протеста против скучного, обыденного и совершенно ненужного ему общества, представленного в романе «тапочной системой» директора школы Перилло и требованиями отца мальчика о прочтении газетных статей. Фантазии же ребенка, его творческий потенциал проявляются в придуманных им мирах, среди которых: античный, возрожденческий, эпохи жизни и смерти Христа, христианский. Каждый из миров, существующих в сознании ребенка, в высшей степени интертекстуален, то есть построен на основании известных в истории и литературе событий, отраженных в различных источниках. Так, античное «время-пространство» [7: 121] создается на материале древнегреческих мифов, одним из известных образов которых является Лета – река забвения. Но если согласно мифологическим традициям души умерших могли переправляться на другой берег реки без права возвращения в мир живых, то в романе А.В. Соколова эта традиция нарушается: любимый учитель мальчика Нимфеи — Норвегов — приходит к своим ученикам, потому что забыл о том событии, которое произошло с ним (о своей смерти). Таким образом, умершие в романе «Школа для дураков», впрочем, как и герои романа «Мастер и Маргарита» (достаточно вспомнить бал «ста королей» [8: 267]), общаются с живыми, перемещаются из одного хронотопа в другой.

Через призму сознания больного ребёнка читатель погружается и во время распространения христианства. При этом характерно, что Павел Петрович Норвегов сравнивается с одним из апостолов — Павлом, несущим в мир идеи Христа. Именно он рассказывает своим ученикам историю «Плотник в пустыне» [9: 198], являющуюся интерпретацией евангельской легенды о жизни и смерти Христа. Знаменателен для мальчика-Нимфеи и образ титана эпохи Возрождения — Леонардо да Винчи, существующий в воображении ребёнка. Данный образ воплощает в себе активное универсальное начало, представляющее интерес для мальчика, лишённого возможности проявить свой творческий потенциал.

Таким образом, необходимо отметить, что все дополнительные хронотопы романа не только в той или иной мере интертекстуальны, но и населены героями, лишёнными реалистических черт, среди которых необходимо назвать психологичность персонажа. Образы Христа, апостола Павла, Леонардо да Винчи представляют собой идеи, ценные для человечества и воплотившиеся отчасти в других героях романа. Соотношение этих идей и образов может быть отражено в следующей схеме:

Образы	Идеи
Иисус Христос	протест против несправедливости, страдание, жертвенность
Апостол Павел	верность учению, жертвенность, протест
Леонардо да Винчи	активное творческое начало

Так, идеи Христа, апостола Павла и Леонардо да Винчи синтезируются автором в образе учителя географии Павла Петровича Норвегова. А идея апостола Павла, находит своё воплощение ещё и в образе мальчика – Нимфеи, являющегося учеником Норвегова.

Образы Норвегова и его ученика, больного мальчика, представляют собой идеи. В связи с этим стоит говорить и об их интертекстуальности, так как можно провести следующие параллели в образной системе романа: Норвегов – апостол Павел-Христос (легенда «Плотник в пустыне») Насылающий ветер. Предложенные соответствия, прослеживающиеся в образе Норвегова, объединяют в себе несколько сущностей: с одной стороны, жертвенную, страдающую, несущую в мир учение Христа; а с другой – всесильную и карающую человечество за грехи, связанную с мотивами Апокалипсиса. Ибо автор романа «Школа для дураков» не только, подобно Булгакову, как в «Мастере и Маргарите», говорит о приближении бури, грозы, но и указывает на то, что река Лета потечёт вспять, а это означает смещение пространственно-временных границ.

Апокалиптические нарративы, по мнению профессора английского языка и литературы университета Нотр-Дам (Индиана, США) Кевина Харта, являются одной из примет постмодерности [10: 34]. Они указывают как на разрозненность и хаотичность мышления людей данной эпохи, отражённую в постмодернистских произведениях искусства, так и на склонность к различным заимствованиям, проявляющуюся в интертекстуальности. Образ мальчика Нимфеи, отождествляемый с апостолами, учениками Христа (на что указывалось выше), тоже воплощает в себе наряду с идеей ученичества идею суда, кары над обществом, так как он принадлежит к больным ученикам, «имеющим право судить, не будучи судимыми» [9: 204], как отмечается на страницах романа.

Кроме мальчика-Нимфеи воплощают в себе идеи и другие персонажи романа. К ним можно отнести Вету Акатову — учительницу биологии, а также её отца Аркадия Акатова. В образе Веты объединены несколько сущностей: уходящей красоты и молодости(она отождествляется с веткой акации, которая отцветает на станции) и вечной повторяемости циклов в истории, природе и человеческой жизни (она сравнивается с железнодорожной веткой, по которой постоянно идут поезда). Примечателен и образ отца Веты, представляющий собой модель несправедливо пострадавшего гениального учёного. Примыкает к этим персонажам и Роза Ветрова — любимая ученица Павла Петровича Норвегова, чей образ отождествляется с розой ветров – символом путешественников. В образе Розы Ветровой, так же, как и Веты Акатовой, воплощена идея женского начала.

Таким образом, необходимо отметить, что вслед за М.А. Булгаковым А.В. Соколов в романе «Школа для дураков» не только наделяет своих героев схематизмом и обобщенностью, воплощая в них определенные идеи, но и обращается при этом к проблеме бессознательного, позволяющей вводить в ткань произведения не только хронотопы, но и использовать прием, получивший в литературоведении название «поток сознания» [11], на некоторых страницах романа даже отсутствуют знаки препинания, призванные упорядочить текст.

Является центральной проблема бессознательного и в романе В. О. Пелевина «Чапаев и Пустота». Продолжая традицию М. А. Булгакова и А. В. Соколова, писатель изображает главного героя своего произведения Петра Пустоту пациентом психиатрической клиники, благодаря искажённому сознанию которого в романе Пелевина появляется второе «времяпространство» [7: 121] – пореволюционная действительность. В ней наряду с центральным персонажем присутствуют Чапаев, Анна, Котовский. Порождает дополнительные хронотопы и патологическое сознание других героев романа. Среди них можно назвать Просто Марию, Сердюка, Володина.

Так, показывая главного героя романа Петра Пустоту

душевнобольным, В.О. Пелевин воплощает в его образе идею протеста против окружающего его общества. Реализуется в этом персонаже и идея ученичества, столь обязательная для многих произведений русской литературы XX-го века. К образам, в которых воплотилась данная идея, можно отнести Левия Матвея и Ивана Бездомного («Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова), учителя Норвегова и мальчика – Нимфею («Школа для дураков» А.В. Соколова). Правда, несмотря на все сходства персонажей, объединённых одной идеей, их сущность остаётся различной, потому что В.О. Пелевин, в отличие от М.А. Булгакова и А.В. Соколова, обращается не к христианским источникам, а к философии дзэн-буддизма, нашедшей своё отражение на страницах его романа: пелевинские Чапаев и Петька представлены как буддийский гуру и его ученик. Схема же организации образов, встречающаяся в произведениях русских писателей XX-го века, – одна и та же. Она не только может быть выражена как соответствие: учитель-ученик, но и отличается интертекстуальностью, проявляющейся в данном случае в обращении как к философии дзэн, так и к анекдотам о Чапаеве и Петьке. Персонажи Пелевина отличаются обобщённостью, схематизмом, отсутствием психологических черт. Они представляют собой идеи, взятые из религиозных и философских учений, а также из мировой литературы. По своей природе эти идеи всегда интертекстуальны, а следовательно интертекстуальностью отличается и роман «Чапаев и Пустота».

Характерно, что для романа В.О. Пелевина «Чапаев и Пустота», так же, как и для произведений М.А. Булгакова и А.В. Соколова, присущ протест против существующего строя, расцениваемый как «утрата» основ и «корней» [10:47]. Прослеживаются и изменения в образной системе. Персонажи утрачивают черты реалистических героев, приобретая обобщённость и схематизм, превращаясь в идеи мировой литературы, религии, философии. Образы героев сменяют друг друга, как в кинематографе, далеко не всегда оставляя глубокое впечатление у читателя. Некоторые из них вообще лишены психологизма, как мистический герой Булгакова в романе «Мастер и Маргарита» или ряд второстепенных персонажей в романах А.В. Соколова и В.О. Пелевина.

О процессе трансформации героя в зарубежном постмодернистском произведении говорила английская писательница и литературовед Кристин Брук-Роуз. Можно сказать, что аналогичное явление прослеживается и в русской литературе XX-го века, начиная с произведений М.А. Булгакова и включая романы А.В. Соколова и В.О. Пелевина. Существование же образа-идеи очень тесно связано с понятием «интертекстуальность», введённым в литературоведение французским словистом Юлией Кристевой. Происходит это потому, что все идеи, используемые в мировой литературе, так или иначе, заимствованны из религиозных и философских учений.

Большое внимание при создании образов персонажей отечественные писатели уделяют и проблеме патологического сознания героя, во многом либо предвосхищая (М.А. Булгаков), либо обращаясь почти одновременно (А.В. Соколов), либо уже после создания «шизоанализа» французкими философами Делёзом и Гваттари (В.О. Пелевин).

Содержательные изменения, прослеживающиеся в постмодернистской литературе, очень тесно связаны с трансформацией структуры произведений. Это, как мы уже отмечали, относится к жанровой системе (на данную особенность указывал И.П. Ильин [2: 231]): имеется в виду появление новых жанров (например, эпистолярных), а также к изменениям происходящим с сюжетом произведений (отказ от классического сюжета), появление нескольких хронотопов (миров).

Примечания:

1. Капец О.В., Капец В.П. Постмодернистский аспект творчества М.А. Булгакова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2020. Вып. 2 (257). С. 114-120.

2. Brooke-Rose Chr. The dissolution of character in the novel // Reconstructing individualism: Autonomy, individuality, and the self in western thought. Stanford, 1986. P. 184-196.

3. Эпштейн М.Н. Постмодерн в русской литературе: учеб. пособие для вузов. Москва: Высш. шк., 2005. 495 с.

4. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. Москва: Интрада, 1996. 253 с.

5. Лесскис Г. Последний роман Булгакова // Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5: Мастер и Маргарита. Письма. Москва, 1990. С. 614-625.

6. Колядич Т.М. М.А. Булгаков // Русская литература XX века: учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений: в 2 т. Т. 1: 1920-1930-е годы / под ред. Л.П. Кременцова. Москва: Академия, 2002. С. 123-141.

7. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. Москва: Худож. лит., 1986. С. 121-290.

8. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита: роман. Рассказы. Москва: Эксмо, 2007. 672 с.

9. Соколов С. Школа для дураков: роман. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2010. 256 с.

10. Харт К. Постмодернизм / пер. с англ. К. Ткаченко. Москва: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 272 с.

11. Поток сознания. URL: dic.academic.ru

References:

1. Kapets O.V., Kapets V.P. Postmodern aspect of M.A. Bulgakov's work // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. Maikop, 2020. 2 (257). P. 114-120.

2. Brooke-Rose Chr. The dissolution of character in the novel // Reconstructing individualism: Autonomy, individuality, and the self in western thought. Stanford, 1986. P. 184-196.

3. Epshtein M.N. Postmodernity in Russian literature: a manual for higher schools. Moscow: Vysshaya shkola, 2005. 495 pp.

4. Ilyin I.P. Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism. Moscow: Intrada, 1996. 253 pp.

5. Lesskis G. The last novel of Bulgakov // Bulgakov M.A. Coll. of works: in 5 volumes. Vol. 5: The Master and Margarita. Letters. Moscow, 1990. P. 614-625.

6. Kolyadich T.M. M.A. Bulgakov // Russian literature of the 20th century: a manual for students of higher ped. educational institutions: in 2 volumes. Vol. 1: 1920-1930s / ed. by L.P. Krementsov. Moscow: Academia, 2002. P. 123-141.

7. Bakhtin M.M. Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics // Bakhtin M.M. Literary critical articles. Moscow: Khudozh. lit., 1986. P. 121-290.

8. Bulgakov M.A. The Master and Margarita: a novel. Stories. Moscow: Eksmo, 2007. 672 pp.

9. Sokolov S. School for fools: a novel. St. Petersburg: Azbuka-classic, 2010. 256 pp.

10. Hart K. Postmodernism / transl. from English by K. Tkachenko. Moscow: FAIR-PRESS, 2006. 272 pp.

11. Stream of consciousness. URL: dic.academic.ru